

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'139 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-43-1-8-22

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЛЕКСИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА «СКУКА» (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИИ ИНТЕРВЬЮ С НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Глебкин Владимир Владиславович

Кандидат философских наук, доцент

Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС

119311, Москва, пр. Вернадского, д. 11, кв. 364

gleb1514@gmail.com

В статье представлены результаты серии интервью с носителями русского языка, посвященной выявлению базовых элементов концептуальной структуры лексического комплекса «скука». В ходе интервью выявлялись как внешние характеристики скуки, так и внутренние параметры, определяющие это состояние. Результаты интервью дают возможность уточнить и проблематизировать структуру комплекса, полученную на материале корпусных исследований. В первую очередь, это касается перцептивных репрезентаций. Визуальные образы скуки, предложенные участниками интервью, заметно отличаются от системы концептуальных метафор, представляющих категорию скуки в современном языке по данным корпусов.

Ключевые слова: скука, лексический комплекс, интервью, концептуальные метафоры, визуальные репрезентации

Введение

Опросы и интервью, различающиеся как структурно, так и типологически, давно уже стали одним из доминирующих методов экспериментального исследования в социолингвистике, психолингвистике, когнитивной лингвистике. Все чаще прибегает к ним и традиционная лингвистика, в частности, лингвистическая семантика, рассматривая их как дополнение к корпусному анализу. Однако далеко не всегда методологические возможности, открываемые такими экспериментальными процедурами, осознаются в полной мере. Иногда результаты, полученные в результате опросов и интервью, не просто уточняют корпусные данные, но в отдельных аспектах радикально противостоят им, ставя под сомнение базовые теоретические постулаты, лежащие в основании корпусного анализа. Исследование, описанное в данной статье, служит иллюстрацией данному утверждению.

Как это следует из заглавия, объектом анализа в проведенном исследовании является лексический комплекс *скука*. Понятие лексического комплекса вводится в работах [Глебкин 2012, 2014], где определяется как упорядоченная пара, “которую составляют определенное лексическое гнездо и соответствующее ему концептуальное содержание” [Глебкин 2014: 211–212]. Так, основные слова, входящие в лексический комплекс *скука*, – *скука*, *скучать*, *скучный*, категория состояния *скучно*, *соскучиться*, *заскучать*, *наскучить*. Под концептуальной структурой лексического комплекса понимается иерархически организованная система смыслов, соответствующая данному лексическому гнезду.

Хотя европейские аналоги русского слова *скука* – *ennui*, *Langeweile*, *boredom* – давно и плодотворно изучаются в западной традиции (напр., [Sagnes 1969; Bouches 1973; Peters 1975; Spacks 1995; Jonard 1998; Raposa 1999; Kessel 2001]; ср. [Глебкин 2015]), нельзя сказать, что категория скуки подробно изучена отечественными исследователями в целом и лингвистами в частности (среди весьма немногочисленных работ, посвященных анализу этой категории, можно упомянуть [Сороченко 2003; НОССРЯ 2003: 1032–1033; Глебкин 2007, 2014а; Пеньковский 2012: 93–154; Маханова 2016]). При этом методологическими основаниями проводимых исследований являются интроспекция и корпусный анализ.

Данное исследование опирается на иную методологию. В его основе лежит серия интервью с носителями языка, целью которой было уточнение и, при необходимости, переосмысление данных, полученных с помощью традиционных методологических процедур. Перейдем к описанию структуры исследования.

Метод

Участники. Участниками исследования стали 107 человек от 16 до 84 лет (средний возраст – 37,3 года), 57 женщин и 50 мужчин. Основную массу опрашиваемых составляли жители Москвы (78 человек), но в опросе участвовали также жители Новгорода, Ярославля, Витебска, Соловков и с. ФерAPONTOVO Вологодской обл. Большинство участников имело высшее образование (67 чел., примерно в равных пропорциях – техническое и гуманитарное), но значительный процент опрашиваемых составили также люди с неполным высшим, средним и неполным средним образованием. Профессиональный спектр участников был весьма разнообразным: учителя, научные работники, сотрудники музеев, менеджеры, бухгалтеры, официанты, медицинские работники, студенты, школьники, пенсионеры. Все опрашиваемые были монолингвами.

Процедура. Опрос каждого участника проводился индивидуально. Участникам предлагалось выполнить шесть небольших заданий, список которых приводится ниже.

1. Назовите первое приходящее вам в голову словосочетание из двух слов, первым из которых является прилагательное *скучный*, *-ая*, *-ое*, а вторым – существительное, к которому это прилагательное относится.

2. Опишите первую возникающую у Вас в памяти ситуацию, когда Вам самому(-ой) было скучно.

3. Опишите, по каким признакам вы можете охарактеризовать скучающего человека. В чем состоят особенности его поведения?

4. Поясните смысл выражений *скучный разговор* (какой разговор Вы назвали бы скучным?), *скучная книга*, *скучный человек*, *скучная жизнь*.

5. Представьте себе, что у вас есть все необходимое (краски, кисточки, карандаши, мелки, бумага, холст и т.д.) и Вы не испытываете технических сложностей с тем, чтобы нарисовать все, что сочтете нужным. Вас попросили нарисовать скуку. Опишите, что Вы нарисуете.

6. Считаете ли Вы скуку позитивным эмоциональным состоянием, негативным эмоциональным состоянием или в ней есть позитивные и негативные элементы в зависимости от ситуации? Если последнее, то опишите более подробно, какие элементы. Возможно, с Вашей точки зрения, предложенная система координат (позитивное – негативное) неприменима для характеристики скуки. Прокомментируйте в таком случае, чем вызвана подобная неприменимость.

Интервью продолжались от 2 до 20 мин. (среднее время интервью – 5,9 мин.). При проведении интервью я и мои коллеги старались минимизировать уточняющие вопросы, чтобы избежать эффекта прайминга и невольного навязывания позиции интервьюера. Несколько человек не смогло ответить на все вопросы, в этом случае я исходил из тех данных, которые были представлены.

Результаты

Кажется целесообразным представить результаты по каждому из заданий в отдельности.

1. Наиболее часто в ответах встречалось выражение *скудная жизнь* (16 раз), затем идут *скудная работа* – 11, *скудный день* – 8, *скудный фильм* – 7, *скудная погода* – 6, *скудная книга* – 5, *скудное занятие* – 4, *скудная учеба* – 3, *скудное времяпровождения* – 3, *скудный урок* – 3, *скудная история* – 2, *скудная лекция* – 2, *скудное дело* – 2, *скудное кино* – 2, *скудный вечер* – 2, *скудный человек* – 2. По разу встречаются выражения *скудный разговор*, *скудное собрание*, *скудная беседа*, *скудная дребедень*, *скудная задача*, *скудная литература*, *скудная неделя*, *скудная обстановка*, *скудная пара*, *скудное задание*, *скудное кино*, *скудное путешествие*, *скудное лето*, *скудное событие*, *скудные дни*, *скудный период*, *скудный план-график*, *скудный сад*.

2. Прежде всего, следует отметить, что 13 человек (12,1%), в основном, зрелого и пожилого возраста (ср. возр. – $57 \pm 15,4$ лет) затруднились вспомнить ситуацию, когда им было скучно, и утверждали, что они не испытывают этого состояния. Ниже приводятся несколько характерных ответов:

– *Я не помню этого, потому что интересы разносторонние. Я хоть и на пенсии, не работаю, но все время нахожу себе какое-то занятие [69 л., м., Суздаль];*

– *Тема скука для меня не существует. Всегда можно занять себя. По крайней мере, я так считаю [59 л., м., Витебск];*

– *Ну, вообще, мне скучно не бывает. Меня просто научили думать, и если я одна, я начинаю обдумывать, с разных точек подходить, интерпретировать, развивать любую мысль. Черта такая у меня [60 л., ж., Соловки].*

Среди тех, кто описывал ситуацию скуки, наиболее часто встречался контекст пребывания дома или на даче (21 раз, из них дача – 1 раз). В качестве мотивов для скуки обычно отмечались пребывание в состоянии незанятости, безделья и одиночество.

– *Ну, это когда дома, допустим, заняться нечем. Все переделала, домашнюю работу, и заняться нечем вроде как [27 л., ж., Москва].*

– *Мне было скучно дома, потому что я была одна, вероятно. Одинокое состояние, когда тебе нечем заняться или ты ни с кем не можешь поговорить [16 л., ж., Москва].*

Особого внимания требует одно описание, формально попадающее в данный раздел, но заметно отличающееся от других по сути. Оно представляет собой довольно точное и глубокое, на мой взгляд, описание одной из прототипических моделей скуки.

– *Это повторяющийся такой сюжет. Бывает несколько раз в неделю скучно, но я даже не знаю, можно ли назвать скукой то состояние после школы, когда очень устал, делать ничего не хочется, но ты знаешь, что надо, поэтому не ложишься спать до вечера и просто заставляешь себя что-то делать. Но сконцентрироваться на чем-либо трудно, и поэтому продуктивность очень маленькая. И отсюда такая скука, потому что интереса к работе никакого. Но это проходит ближе к поздним часам, когда уже понятно, что деваться некуда [16 л., м., Москва].*

Следующая по частотности ситуация – ситуация учебы: скука на лекциях, семина-

рах, уроках (17 раз). Отчасти такая частотность вызвана спецификой выборки, среди которой было заметное число студентов и школьников.

– *Лекция в Университете. Видимо, концентрация уже ослабла, и было сложно сосредотачивать свое внимание на довольно сложных вещах, которые еще к тому же не очень увлекательно подаются. Обычно, уже с опытом учебы, я с этим справляюсь, но иногда все-таки отвлекаешься и начинаешь скучать* [21 г., ж., Москва].

– *Сижу на лекции, и мне очень скучно, потому что преподаватель не понимает, что я его спрашиваю, и я выслушиваю объяснения по десять раз того, о чем я не спрашивала* [22 г., ж., Москва].

Следующая группа – ситуация общения, неформальной коммуникации (13 раз).

– *Когда я говорила по телефону с человеком, и мне хотелось, чтобы разговор быстрее закончился, потому что мне было скучно* [27 л., ж., Москва].

– *Меня друг приглашает в неизвестную компанию и оставляет меня в этой компании, и я не могу найти общий язык с этими людьми, и поэтому мне скучно* [20 л., ж., Москва].

– *Я не люблю застолья, они меня угнетают. Раньше еда была на втором плане, а на первом плане были интеллектуальные беседы, кто-то сочинял стихи, диалоги были интересные, обсуждали какие-то книги, а когда еда в чистом виде, это ужасно, я не могу это выносить. Это самое тяжелое испытание. И поэтому стараюсь пореже ходить на такие застолья. Но иногда приходится* [71 г., ж., Москва].

Следующая группа – различные формы досуга: чтение, телевизор, кино, театр, экскурсии, отдых в туристической поездке (10 раз).

– *Это ситуация перманентная, и она связана с телевидением. Я телезависимый, некоторым образом, смотрю телевизор, и я обращаю внимание, что, хотя за последнее время число каналов и выросло, смотреть стало неинтересно, скучно. Мне скучно. Я не смотрю сериалы, не смотрю фильмы, за редким исключением, я прыгаю с канала на канал, и мне скучно* [56 л., м., Москва].

– *Театральная постановка. Невозможно уйти* [53 г., м., Москва].

– *Была в Амстердаме, фотографировалась на фоне всех домов неоготического стиля, которые там, и поняла, что это скучно* [38 л., ж., Москва].

Следующий контекст – близкий к учебному, но уже для работающих людей – собрания, совещания, конференция (7 раз).

– *Собрание. Сидишь на собрании и скучаешь. Монотонные речи произносятся. Ничего интересного* [48 л., ж., Москва].

Также упоминаются контексты, связанные с ситуацией ожидания (5 раз).

– *В Кемпи сидишь на вокзале. До поезда далеко. Ничем заняться не можешь. Никого практически нет, пустой вокзал. И уйти некуда. Состояние безделья, незанятости, и мысли не можешь собрать в одну кучу, потому что без конца объявляют поезда и все прочее. Ну, скучно* [69 л., м., Соловки].

В отдельную группу объединяются контексты, отсылающие к ситуации дороги: самолет, поезд, электричка (5 раз).

– *В самолете летел 8 часов, было скучно* [27 л., м., Москва].

Также пять раз возникали контексты, связанные с работой, из них три – с бездействием на работе, и два – с монотонностью этой работы.

– *Когда у тебя ночная работа, все дела уже переделаны ночью, и спать негде* [19 л., м., Ярославль].

– Я очень не люблю гладить. Для меня это самое смертельное [45 л., ж., Москва].

В четырех случаях скука ассоциировалась с опытом детства.

– Перед первым сентября все разъезжались (деревня маленькая, в основном, приезжие были, двоюродные сестры, братья), и хотя погода солнечная, особо не покупаешься, уже холодом веет, и вот остаешься один, и осталось с тех времен ощущение скуки, тоски такой. Предоставленный сам себе ходишь. Это самые яркие детские воспоминания [54 г., м., Витебск].

– Когда ты маленький, и взрослые вокруг разговаривают, и ты не понимаешь, о чем [23, ж., Москва].

В двух случаях в качестве ситуационного контекста выступает болезнь, в двух – погода. В одном случае интервьюируемый говорит о рыбалке, которая представляет собой сложный случай, говоря математическим языком, линейную комбинацию двух базовых моделей: досуг и ожидание. В одном случае причиной скуки названо испорченное настроение, и еще в одном респондент, хотя и с оговорками, говорит о перманентной, экзистенциальной скуке.

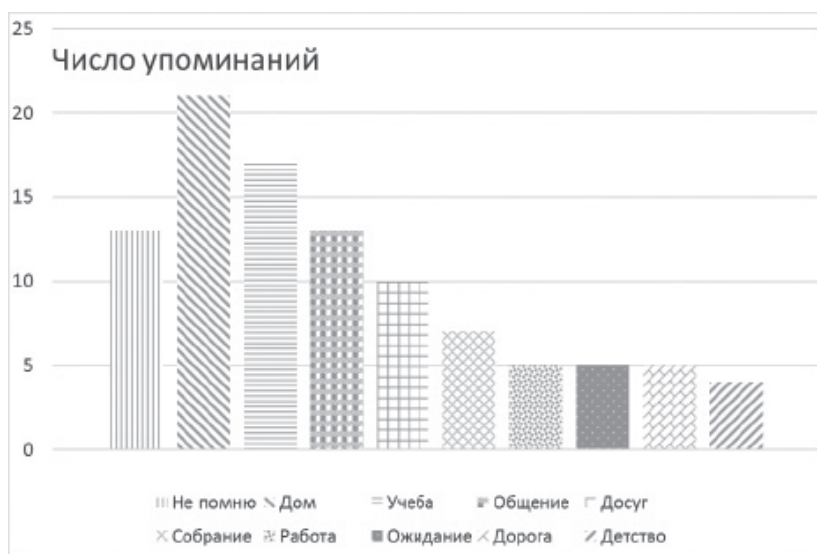
– Да я его перманентно ощущаю. Я просыпаюсь – ну, скучно – это, может быть, не то слово – неинтересно. Хандра такая русская, я не знаю, можно ли ее назвать скукой [54 г., м., Соловки].

Распределение по наиболее частотным моделям приведено в Табл. № 1.

3. Характеристики скучающего человека связывались с его действиями (62,6% всех участников выделили этот регистр), взглядом (54,2%), внешним видом и выражением лица (52,3%)¹. Некоторые участники также указывали на внутренние характеристики (11,2%).

Таблица № 1

Распределение описаний ситуации скуки по базовым контекстам

¹ Следует отметить, что многие участники выделяли в своих описаниях несколько регистров.

Если говорить о действиях, то общей чертой основного массива характеристик является невключенность в коммуникативный процесс, но эта невключенность выражается в двух различных поведенческих моделях:

А) полная пассивность, инертность, часто сопровождаемая зевотой (*«не проявляет никакого внимания к тому, что его окружает»; «апатичный, безразличный, не включен в процесс, который происходит, погружен в себя»; «в нем есть заторможенность действий, отсутствие движений и, например, зевота, вздохи»; «возможно, какая-то обреченность чувствуется и инертность; вялость, нет какого-то огня; полуспит»*);

Б) нервность, раздражительность, выраженная в быстрой смене различных форм деятельности, не несущих никакого смысла и не связанных с происходящим коммуникативным процессом (*«повторяющиеся или необдуманные действия; быстрая сменяемость разных активностей, которая быстро заканчивается»; «проявляет двигательную активность, мелкие движения на уровне пальцев, болтает ногой, не сосредоточен на том, что делает»; «он мается: взялся за одно – бросил, взялся за другое – бросил; нет вещей, которые могли бы привлечь его внимание»*).

Две описанные выше модели проявляются также и в характеристике взгляда и выражения лица. Так, взгляд может характеризоваться как застывший, потухший, отсутствующий, задумчивый, уставленный в одну точку, а может – как бегающий, блуждающий, рассеянный, бесцельный; внешний вид, поза, выражение лица – как поникшие, отсутствующие, грустные, обреченные, сонные, и как нетерпеливые, беспокойные. Некоторые описания носят интегративный характер. Например, *«расслабленная поза, не то, чтобы совсем расслабленная, а точнее – расслабленно-натужная, общее выражение лица кислое, как будто погано, живот болит слегка»*.

Несколько человек обратили также внимание на схожесть внешнего поведения и внешних признаков скучающего и грустящего человека. По их мнению, сложно отличить скуку от грусти или печали исключительно по внешним признакам, не погружаясь во внутренний мир человека.

4.1 Сразу отмечу, что в 45 случаях из 107 (42,1%) в качестве проясняющий оппозиции к скучному разговору выступает лексический комплекс *интересный (неинтересный, не интересует, нет интереса* и т.д.). Далее, одни из опрашиваемых делают акцент на форме разговора, а другие останавливаются на содержательных сторонах. В качестве формальной характеристики говорится о медленном разговоре, в котором много длинных пауз и отсутствует эмоциональная включенность собеседников (*«разговор, в котором много пауз делают люди, задумываются надолго, что сказать»; «когда человек делает осознанное усилие, чтобы поддерживать разговор: бывает, что разговор сам льется, а бывает, когда нужно говорить, чтобы его поддерживать; сменяемость тем – долгое молчание и потом какая-то тема, чтобы просто занять время»*). Еще одна обозначенная модель: когда один из собеседников подавляет остальных и превращает диалог в монолог.

С содержательной стороны выделяется несколько моделей скучного разговора: а) разговор, вызванный внешними факторами (соображениями приличия, официального этикета и т.д.), за которым не стоит никаких внутренних оснований (*«разговор, который ведется ради самого разговора, просто для того, чтобы занять время, или нужно его вести, нужно поддерживать беседу. Разговор, который не идет от души. И человек сам не заинтересован, чтобы этот разговор развивался, ему не интересно, что будет в ответ. Формальный разговор. Привет, привет, хорошая погода. Дежур-*

ные, никому не нужные, пустые фразы»; «Это как раз часто бывает. Приходишь в какую-то компанию, не знакомую тебе, и начинаешь болтать непонятно, о чем. При чем эта болтовня будет эквивалентна молчанию. Можно молчать ни о чем, а можно говорить ни о чем. Начинаешь нести бред. Все равно, что молчал»); б) разговор на не интересующую тебя тему («разговор, который ведется на темы, которые я не могу поддержать и которые мне не близки»; «А вот ты купила это? А сколько это стоило? По три, по пять. Чувствуешь – тупеешь»); в) разговор об очевидных вещах с собеседником, который уступает тебе по степени компетентности в обсуждаемом сюжете («мне не интересно разговаривать про то, что я явно знаю, с людьми, которые знают про это явно меньше»); г) разговор на тему, в которой ты не компетентен, обсуждение непонятных тебе сюжетов («разговор, в котором я ничего не понимаю, только делаю вид»).

4.2 Лексический комплекс *интересный* выступает в качестве поясняющей оппозиции для конструкции *скучная книга* в 30 случаях из 107 (28%). Иногда это делается вполне осознанно («Ты должен ее читать, но тебе неохота ее читать, либо ты ее бросаешь читать, потому что в ней нет – антоним – интереса. Неинтересно – значит скучно»). В целом, описание скучной книги осуществляется по двум альтернативным регистрам: внутренние ощущения читающего, и характеристики книги, которые подаются как объективные. К внутренним ощущениям наряду с отсутствием интереса относятся такие характеристики как *не цепляет* («Книга, которая не никак не цепляет и ее хочется отложить практически сразу. Ничего такого нет, что остается в голове», «не задевает, не захватывает, утомляет», «когда не помнишь, что прочитал 5 секунд назад»). Из содержательных характеристик выделяются затянутый, предсказуемый сюжет, предельная разреженность или отсутствие мысли, избыточность описаний, плохой слог. Отдельно в качестве скучных книг выделяются философские трактаты, учебники, справочники («справочник по автомобилевожждению, написанный сухим языком, со многими узкопрофессиональными словами»). Следует также отметить, что два человека из опрашиваемых вообще отрицали наличие скучных книг, разделяя скуку как объективное свойство книги и как субъективную реакцию на нее конкретного человека («книга может быть скучной для кого-то, но другой найдет в ней что-то интересное»).

4.3 Так же, как и для скучной книги, описание конструкции *скучный человек* осуществляется по двум альтернативным регистрам: субъективные ощущения говорящего и не связанные с конкретным собеседником характеристики, трактуемые как объективные. Это проявляется, в частности, в использовании лексического комплекса *интересный*, к которому обращаются в данном подкластере 58 чел. (54,2%): не интересный для меня («я не понимаю его интересов или он моих не понимает, поэтому получается скучный разговор»; «Человек, с которым нет контакта. То, что он говорит, тебя не интересует, тебе не близко. Поэтому для тебя он может быть скучным, а другому он не будет скучным. Скучный разговор, книга, человек – это вопрос нестыковки полей. Это субъективное. Полезно найти в человеке что-то нескучное») и не интересующийся ничем или почти ничем («Человек, у которого мало увлечений, мало интересов в жизни, не разносторонний»). Следует отметить, что, с точки зрения восьмерых участников опроса, скучных людей не бывает («Человека нельзя назвать скучным, он бывает скучным в какие-то моменты жизни по причине конкретных обстоятельств. Я не верю в абсолютно скучных людей. Человек может быть замкнутым и скучным

для других, но это в зависимости от взгляда. Скучный человек – это человек, который кажется скучным, который лично тебя не может заинтересовать»). Те, кто делает акцент на субъективной составляющей, подчеркивают отсутствие точек соприкосновения, общих тем для разговора; респонденты, выделяющие объективные характеристики, используют в качестве пояснения слова *зануда* (7 чел.), *без чувства юмора* (4 чел.), *пассивный, который ничем не увлекается, ограниченный*. Некоторые подчеркивают также зависимость скуки от ситуации: *«Ситуация может быть скучной, но не сам человек»*. Обобщая, можно выделить три базовые модели, по которым строится описание скучного человека: скучный для кого-то, скучный в данной ситуации (определяющей здесь является ситуация) и скучный в любой ситуации (здесь скуку порождают характеристики самого человека, представляемые как объективные).

4.4 Основными характеристиками скучной жизни оказываются неинтересность (17 чел.), однообразие (14 чел.), монотонность (10 чел.). Вот несколько показательных описаний: *«Однообразная жизнь. Рутинная. Дом – работа, работа – дом, и нет никаких увлечений»*; *«Такая не интересная жизнь, жизнь ради жизни: поел, потому что надо поесть, пошел на работу, потому что надо сходить на работу, сходил в магазин, чтобы поесть»*; *«Это когда от пылесоса к плите и обратно»*; *«Когда все однообразно, когда день сурка такой. Ничего не происходит. Завтрак, работа, дом. Кино по выходным»*. Обратной стороной этой монотонности оказывается бессобытийность, т.е. отсутствие событий, выделяющихся из ряда, событий, о которых можно вспомнить: *«Когда ничего не происходит. Отсутствие событий»*; *«Не оставляет никаких ярких, красочных воспоминаний о себе»*; *«Жизнь, не богатая событиями. Жизнь, о которой нечего сказать»*. Еще один аспект, на который обращается внимание – жизнь, лишенная цели и смысла, связывающих отдельные эпизоды в единое целое: *«Жизнь, лишенная осмысления. Когда убирается момент мысленного напряжения, жизнь становится скучной. Жизнь без размышлений, без рефлексии»*. Отдельно рядом участников (3 чел.) ключевой характеристикой скучной жизни называется одиночество.

5. Шесть человек отказались выполнить данное задание. Ответы оставшихся 101 участника распределились примерно поровну между абстракциями (46 чел.) и сюжетными изображениями (55 чел.). При этом почти треть участников (33 чел.) связала скуку с серым цветом: *«серое аморфное пятно»*, *«регулярная структура в серых тонах»*, *«серая, с оттенком зелени, бесформенная клякса»*, *«возьму серую краску, разведу ее и капну на лист – будет просто серое пятно»*, *«серое болото; жирные серые капли, плотные, тягучие, как деготь»*, *«серое; нарисовать можно все, что угодно»*, *«серый карандаш возьму и буду легким штрихом заштриховывать лист бумаги»*, *«мрачный пейзаж в серых тонах»*, *«старуха, сидит и о чем-то рассказывает, вся в сером»*. Также в цветовой гамме скуки в единичных случаях присутствуют темно-зеленые, синие-зеленые, темно-синие, черные, сизые, фиолетовые, коричневые тона.

Говоря об абстрактных изображениях, интересно обратить внимание на противопоставление структурности, упорядоченности, с которой скука связывается в одних описаниях (*«диагонально повернутая бесконечная шахматная доска»*, *«повторяющиеся простые схемы, примитивы»*; *«просто круг, как цикл чего-то одинакового, повторяющегося. Скорее, черный, или какой-нибудь мрачный»*) и аморфности, отсутствия всякой структуры в других (*«Аморфный рисунок, нечто неструктурированное. Равномерное заполнение, неупорядоченные, неструктурированные объекты. Аморфное тело. В виде каких-то штрихов, пятен. Как только появляется порядок, это не скучно»*; *«Взя-*

ла бы еще бумаги, скомкала бы ее и приклеила. Возможно, ваты туда бы добавила. Так вот эта бумага на бумаге и была бы скука. Размытое, шероховатое, что-то такое рыхлое»). Три человека отметили, что оставили бы просто пустой лист.

Из сюжетных репрезентаций доминируют изображения человека (25 случаев) и пейзаж (18 случаев)². В описаниях человека наиболее часто встречается сидящий человек («Человек, сидящий в кресле. Ноги на полу, руки на подлокотниках. Не напряженный, но и не расслабленный. Все это в серых тонах»; «Обычная комната и одиноко сидящий человек, который ничего не делает, и на лице такая отрешенность, потому что ему не хочется ничего делать, и он даже не знает, что делать»; «нарисую в сером цвете, человека сидящего, смотрящего в окно, опершись головой на руку, а за окном осень»; «Черный человечек, сидящий на скамейке в парке и проносящиеся мимо него цветные люди»), но возможны и другие варианты: «Кислая человеческая физиономия и пустые глаза»; «Унылый, сгорбленный человек, идущий, смотрящий в землю, глаза опущены. Пожилой, пригнутый к земле человек». В описаниях пейзажа преобладают осень и дождь: «Я бы нарисовал дождливую осень и падающие под дождем листья»; «хмарь, низкое небо, свинцовые тучи, морозящий противный дождик»; «это было бы низкое небо, затянутое такое, морозящий дождь». Иногда они обрастают дополнительными деталями: «Тучи. Лужа. Осень. Разбитая грязная машина. Осенний пейзаж». В трех описаниях изображается город: «Город. Одинаковые дома. Одинаковые люди. Одинаковая одежда»; «Большой современный город с огромными домами, закрывающими горизонт. И человек. А еще лучше, куча машин и человек, сидящий в пробке уже который час»; «Я нарисовал бы город. Дороги, дома. И, может быть, толпу бы нарисовал, но особо не прорисовывая каждого человека в ней. Серая масса движется по серому пространству. И это абсолютная скука»; в двух – дом: «Темно-синее небо, деревья без листвы, земля без травы. Дом без окон. На каком-то холме, на каком-то отшибе. Заброшенный на отшибе дом, без окон, без дверей, с покосившейся крышей, не имеющий за собой жизни»; «Дом изнутри, застывший. Полумрак. Там ничего не происходит. Нет никакой жизни». Обратим внимание на отчетливую в этих фрагментах связь скуки с отсутствием жизни.

Есть еще ряд любопытных единичных описаний: «Чучело вороны. Серый карандаш. Пыльное. Не птица и не вещь, ничего»; «Черную птицу с большими черными крыльями на белом фоне»; «Собачка лежит, уши опущены, веки, глаза прикрыты».

6. Основная масса опрошенных оценивала скуку как чисто негативное эмоциональное состояние (40,2%; «Однозначно негативное, следствие негативных вещей: недоумия, лени. Для меня перерыв – это не скука. Для меня она не рождает ничего плодотворного, скорее, губит начатки мысли, какие есть») или как негативное состояние с некоторыми позитивными элементами (20,6%; «Есть и что-то положительное. Окунуться в этот мир, но долго в нем не задерживаться. Скука может помочь найти что-то новое, поразмышлять, остановиться. Как точка, от которой можно оттолкнуться»). 23,4% характеризовали его как амбивалентное (иногда негативное, иногда позитивное) («И то и другое. Человек, живущий на вулкане страстей и дел, устает, и ему нужно немного времени, чтобы поскучать и переосмыслить, что он делает, и как-то отдохнуть, скинуть то, что было. Я не люблю этот скуч-

² Ряд описаний носил комплексный характер, включая в себя несколько составляющих. В таком случае в статистике учитывалась каждая из составляющих.

ный период, но понимаю, что без него сломалась бы быстрее. У солнца есть периоды активности и индифферентности, ну и у людей тоже так»). 12,1% отметили, что оппозиция «негативное – позитивное» не применима для описания скуки и охарактеризовали скуку как нейтральное состояние («Просто состояние, которое связано не с человеком, а с обстоятельствами. Ни то, ни другое»). Два участника опроса указали на разные типы скуки: «Скука ближе к депрессии – отрицательное состояние. А бывает скука типа лени. Сейчас скучно, а потом я пойду в другое место, и там будут какие-то события происходить. Это нельзя сказать, что положительное, но скорее нейтральное. Может быть весело, может быть скучно»; «Скучать можно по-разному. Можно скучать по ком-то, можно скучать по чем-то, можно просто скучать оттого, что в данный момент нечего делать, скучать от того, что в твоей жизни все плохо, можно скучать от погоды, наверное. Скука бывает разная, и порой она полезна, порой – антиполезна».

Обобщая, можно отметить, что в качестве негативных характеристик отмечаются, в первую очередь, потеря времени, выпадение из нормальной жизни, разлагающее и опустошающее человека, а в качестве позитивных элементов отмечаются скука как симптом, сигнал о необходимости изменений, период выключения из монотонной череды будней, открывающий возможность медитативного размышления и ведущий к появлению новых стратегических идей и проектов, точка перехода от одной активности к другой. Впрочем, некоторые участники подчеркивают, что состояние размышления и бездеятельности не вполне корректно называть скукой: «В прямом смысле – негативное состояние, потому что оно – нетость, лишенность. Скука как бездеятельность, в которой думают, – это ничего. Но это не скука, по-моему. Скука – нетость. Свойство бесов, которых нету».

В заключение этого подраздела следует еще раз подчеркнуть значимость комплекса *интересный* при обсуждении сюжета со скукой. Слова, входящие в комплекс, были хотя бы один раз упомянуты 85% участников, а среднее число вопросов, ответы на которые включали их в себя, на одного участника равно 1,87 (т.е. в среднем каждый из участников использовал слова из комплекса *интересный* в ответах на два вопроса).

Обсуждение

Объединяя первые два вопроса, можно выделить следующие прототипические для комплекса *скука* ситуации:

* Ситуация бездействия, вызванная тем, что все запланированное (работы по хозяйству, например) уже сделано, а новые планы пока отсутствуют; физической и/или психологической усталостью, невозможностью заставить себя делать то, что необходимо; внешним контекстом (например, в случае ожидания поезда или автобуса на остановке);

* Скука на работе или во время учебы, порожденная, главным образом, раздражением от монотонной и/или малоосмысленной, рутинной деятельности, потерей концентрации и включенности в происходящий процесс;

* Скука в процессе неформальной или формальной коммуникации (разговор, собрание и т.д.);

* Скука, связанная с различными формами досуга (чтение, театр, кино, посещение музеев и выставок).

Отдельно следует подчеркнуть, что об экзистенциальной скуке говорил только один из опрошиваемых, а 13 человек не смогли вспомнить ситуацию, когда им было скучно. Эти данные дают возможность предположить, что экзистенциальная скука (т.е. скука, связанная не с ситуацией, а с самим субъектом, скука как болезнь) возникает на уровне интерпретаций, а на уровне повседневного употребления почти не актуализируется (о двух уровнях описания см. [Глебкин 2014: 207–226]).

Далее, обращаясь к третьему вопросу, следует отметить, что приведенные описания дают более детальную картину внешних признаков скуки, чем это получается при анализе корпусов. Интересно, что две отмеченные модели коррелируют с двумя типами ацедии, описанными Евагрием Понтийским и Кассианом [Глебкин 2015а], и в целом выделяются и на текстовом материале для скуки. Такая бивалентность скуки отличает ее, видимо, от других отчасти похожих на нее состояний – тоски, уныния, грусти – и вызвана тем, что акцент в скуке делается не на содержательных моментах, а на переживании разреженного, не наполненного событиями времени.

Пункты 4.1 – 4.4. также, в целом, соотносятся с наблюдениями, сделанными по материалам корпусов [Глебкин 2014а], дополняя и уточняя их. Одним из важных дополнений является выделение двух базовых моделей скучного: «объективистской» (скука связана с внешними характеристиками объекта или ситуации, которые, в норме, должны вызывать это состояние у любого реципиента) и «субъективистской» (скука вызывается взаимодействием индивидуальных особенностей реципиента и внешней ситуации, не носящем универсального характера). Указанные модели выделяются как для конструкций *скучный разговор* и *скучная книга*, так и для конструкции *скучный человек*.

П. 4.4 отличается от п. 4.1 – 4.3 тем, что речь в нем идет не о локальной ситуации, а о цепочке событий, протяженной во времени. Однако и здесь, как показывают ответы респондентов, переживание пустого времени доминирует, метонимически распространяясь на весь временной интервал. Бессобытийность, онтологическая пустота, проявляющаяся в отсутствии воспоминаний, составляют важную характеристику скучной жизни, воспроизводимую в описаниях.

Анализ ответов на п. 6 дает возможность, в частности, сопоставить русскую категорию с ее европейскими аналогами, показывая, что *скука* ближе к *Langeweile*, чем к *ennui* (ср. [Глебкин 2015]). Значительное число респондентов находят в скуке положительный смысл как в точке перехода и даже видят в ней исток для последующего творчества. Этот аспект почти не проявляется в данных корпусов, и в данном случае опрос позволяет существенно уточнить картину, получаемую на основании корпусных данных.

Наиболее интересен с точки зрения методологии п. 5. Как известно, в рамках теории концептуальной метафоры именно концептуальные метафоры выступают в качестве перцептивных репрезентаций абстрактных понятий [Lakoff, Johnson 1980, 1999; Johnson 1987; Lakoff 1987; Kövecses 2005, 2010]. Хотя разные аспекты теории концептуальной метафоры в ее первоначальной формулировке критиковались другими исследователями (обзор критических замечаний и модернизацию теории с их учетом см., напр., в [Kövecses 2017]), восприятие концептуальных метафор как базовых перцептивных репрезентаций абстрактных понятий обычно не подвергается сомнению.

Результаты п. 5 ставят под вопрос базовый постулат теории концептуальной метафоры. В перцептивном портрете³ понятия *скука* доминирует метафора воинственного живого существа (*скука царствует, берет в полон, угнетает, мучит* и т.д.). Также значимыми оказываются метафоры контейнера (*томился в скуке*), объекта или вещи, которую можно делить, умножать, газообразной субстанции (*разгонять скуку*). Почти ничего из этого (за исключением газообразной субстанции, опускающейся на землю, в одном из описаний), не встречается в визуальных репрезентациях. Ключевой перцептивной характеристикой скуки в них оказывается серый цвет (в текстах НКРЯ цветовая характеристика тоже присутствует, но редко – на весь корпус только 20 вхождений). Также отметим значительный вес абстрактных изображений, делающих акцент как на бесформенности, аморфности скуки, так и на ее регулярности⁴. Такие изображения невозможны для концептуальных метафор, но они дают отчетливые перцептивные репрезентации абстрактных понятий.

Конкретные изображения также почти не пересекаются с концептуальными метафорами. Никто не изображает скуку в виде живого существа или груза на плечах, почти никто не изображает ее в виде газообразной среды. Основные способы представления – человек, испытывающий скуку, или ситуация (чаще всего, пейзаж), эту скуку вызывающая. Другими словами, между перцептивным портретом, представленным в виде концептуальных метафор, и перцептивными репрезентациями в виде рисунков почти нет пересечения. Это означает, что спектр перцептивных репрезентаций абстрактных понятий оказывается намного шире, чем совокупность связанных с понятием концептуальных метафор, и включает в себя регистры, для которых представление в виде концептуальных метафор, по крайней мере, не очевидно (бесформенные объекты или, наоборот, структуры с высокой степенью упорядоченности). Для того, чтобы описать все методологические следствия данного утверждения, потребовалась бы отдельная статья, однако на один методологический аспект следует обратить внимание.

Лакофф и Джонсон, говоря о представлении абстрактных понятий через телесный опыт, по умолчанию ставят знак равенства между концептуальной метафорой и *embodiment* (напр., [Lakoff, Johnson 1999: 3–7]). При этом авторами никак не оговаривается, что концептуальные метафоры, соответствующие какому-либо абстрактному понятию, встроены в систему языка в целом и существуют в рамках ограничений, которые налагаются на них этой системой на уровне синтаксиса, семантики и прагматики. Более конкретно, метафоры пути, контейнера, живого существа, груза, вещи, включенной в отношения собственности, купли и продажи предполагают взаимодействие с субъектом, подчеркивая таким образом антропоцентричность языковой системы, тогда как визуальные репрезентации, создаваемые авторами интервью, делали акцент на структуре объекта как самодостаточной реальности. Два отмеченных аспекта дополняют друг друга, и пренебрежение одним из них ведет к деформации реальной картины.

³ Перцептивным портретом понятия X называется упорядоченная совокупность концептуальных метафор, репрезентирующих это понятие. См. об этом [Глебкин и др. 2014].

⁴ Значительное число конкретных изображений, в частности, изображение скучающего человека, можно рассматривать как результат прайминга. Вопрос про рисунок шел пятым, перед этим происходила актуализация различных связанных со скукой контекстов, в частности, эксплицировались внешние признаки скучающего человека. Можно предположить, что без этого процент абстрактных изображений был бы еще выше.

Литература

Глебкин В.В. Скука // Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. Т.2. М.: РОССПЭН, 2007. С. 493–494.

Глебкин В.В. Лексическая семантика: культурно-исторический подход. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 272 с.

Глебкин В.В. Смена парадигм в лингвистической семантике: от изоляционизма к социокультурным моделям. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 368 с.

Глебкин В.В. Скука // Культурология: дайджест. №1 (68). М.: ИНИОН, 2014а. С. 158–171.

Глебкин В.В. Категория скуки у Паскаля и Хайдеггера // Вопросы филологии. №1 (49), 2015. С. 34–45.

Глебкин В.В. Анекдот // Культурология: дайджест. №1 (72). М.: ИНИОН, 2015. С. 216–220.

Глебкин В.В., Аляпкина А.В., Беспалова Е.Н. Перцептивные портреты абстрактных понятий («счастье», «свобода», «беда») // Вестник РГГУ. №8 (130). Серия «Филологические науки. Языкознание», 2014. С. 46–63.

Маханова Г. Е. Лингвистические средства объективации концепта «скука» в системе русского языка (на материале текстов Чехова). Диссертация... кандидата филологических наук. Брянск, 2016. 225 с.

Пеньковский А.Б. Исследования поэтического языка пушкинской эпохи. М.: Знак, 2012. 660 с.

Сороченко Е.Н. Концепт «скука» и его лингвистическое представление в текстах романов И.А. Гончарова: диссертация ... кандидата филологических наук. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2003. 234 с.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное. По общим руководством академика Ю.Д. Апресяна. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. 1488 с.

Bouches, M. (1973). *L'ennui de Sénèque à Moravia*. P.: Bordas, 207 p.

Johnson, M. (1987). *The Body in the Mind*. Chicago and London: The University of Chicago Press, XXXVIII, 233 p.

Jonard, N. (1998). *L'ennui dans la littérature européenne*. Paris: Honoré champion éditeur, 224 p.

Kessel, M. (2001). *Langeweile*. Göttingen: WallsteinVerlag, 399 p.

Kövecses, Z. (2005). *Metaphor in culture: universality and variation*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

Kövecses, Z. (2010). *Metaphor: a practical introduction*. Oxford: Oxford University Press.

Kövecses, Z. (2017). Levels of metaphor. *Cognitive linguistics*. Vol. 28 (2), 321–347.

Lakoff, G. (1987). *Women, Fire and Dangerous Things*. Chicago and London: The University of Chicago Press.

Lakoff G., Johnson M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago and London: The University of Chicago Press.

Lakoff, G., Johnson, M. (1999). *Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to western thought*. N.Y.: Basic books.

Peters, E. (1975). Notes toward an Archaeology of Boredom. Social research. Vol. 42, No.3, 493–511.

Raposa, M. (1999). Boredom and the religious imagination. Charlottesville: The University Press of Virginia.

Sagnes, G. (1969). L'Ennui dans la literature française de Flaubert a Laforgue (1848 – 1884). P.: Libraire Armand Colin.

Spacks, P. (1995). Boredom: the literary history of a state of mind. Chicago: The University of Chicago Press.

CONCEPTUAL STRUCTURE OF THE LEXICAL COMPLEX 'SKUKA' IN A SERIES OF INTERVIEW WITH NATIVE SPEAKERS OF RUSSIAN

Vladimir V. Glebkin

associate professor of School of Advanced Studies in the Humanities RANEP
119311, Moscow, Vernadskogo av., 11, 364
gleb1514@gmail.com

This paper represents the results of a series of interviews with native speakers of Russian, tackling basic elements of the framework of the lexical complex “skuka” (boredom). Both external and internal characteristics of this emotion of state were explored during the interviews. The results of the experiment give some evidence to specify and problematize the corpora research data. In particular, this issue concerns perceptive representations of the complex. Visual images of boredom drawn by the interviews subjects differ radically, in some aspects, from the system of conceptual metaphors, which represents the concept of boredom in the contemporary language based on the corpora data.

Keywords: boredom, lexical complex, interview, conceptual metaphor, visual representation

References

Glebkin V.V. Skuka [Boredom]. Kul'turologija. Jenciklopedija [Cultural studies. Encyclopedia]. Vol.2. Moscow: ROSSPJeN, 2007, S. 493–494. (In Russian).

Glebkin V.V. Leksicheskaya semantika: kul'turno-istoricheskij podhod [Lexical semantics: cultural-historical approach]. Moscow: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2012. 272 s. (In Russian).

Glebkin V.V. Smena paradigim v lingvisticheskoj semantike: ot izoljacionizma k sociokul'turnym modeljam [The paradigm change in linguistic semantics: from isolationism towards sociocultural models]. Moscow; Sankt-Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2014. 368 s. (In Russian).

Glebkin V.V. Skuka [Boredom]. Kul'turologija: dajdzhest. [Cultural studies. Digest]. №1 (68). Moscow: INION, 2014. S.158–171. (In Russian).

Glebkin V.V. Kategorija skuki u Paskalja I Hajdeggera [The concept of boredom at Pascal and Heidegger] Voprosy filologii [The problems of philology], 2015, No.1 (49). S. 34–45. (In Russian).

Glebkin V.V. Acedija [Acedia]. Kul'turologija: dajdzhest. [Cultural studies. Digest]. №1 (72). Moscow: INION, 2015. S. 216–220. (In Russian).

Glebkin V.V., Aljapkina A.V., Bespalova E.N. Perceptivnye portrety abstraktnyh ponjatij (“schast'e”, svoboda”, “beda”) [Perceptual profiles of abstract concepts ('happiness', 'freedom', 'disaster')]. Vestnik RGGU [Bulletin of RSUH], 2014, № 8 (130). S. 46–63. (In Russian).

Mahanova G.E. Lingvisticheskie sredstva ob'ektivacii koncepta “skuka” v sisteme russkogo jazyka (na materiale tekstov Chehova) [Linguistic means of objectivation of concept 'skuka' in the Russian language system (based on Chekhov's texts)]. Dissertacija... kandidata filologicheskikh nauk [PhD dissertation]. Brjansk, 2016. 225 s. (In Russian).

Pen'kovskij A.B. Issledovanija pojeticheskogo jazyka pushkinskoj epohi [The Research of Poetical Language of the Epoch of Pushkin]. Moscow: Znak, 2012. 660 s. (In Russian).

Sorochenko E.N. Koncept “skuka” i ego lingvisticheskoe predstavlenie v tekstah romanov I.A. Goncharova [Concept 'skuka' and its linguistic representation in I.A. Goncharov's novels]. Dissertacija ... kandidata filologicheskikh nauk [PhD dissertation]. Stavropol': Stavropol'skij gosudarstvennyj universitet, 2003. 234 s. (In Russian).

Novyj ob'jasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo jazyka [New explanatory dictionary of Russian language synonyms]. Vtoroe izdanie, ispravlenno i dopolnennoe. Pod obshhim rukovodstvom akademika *Ju.D. Apresjana*. Moscow: Shkola “Jazyki slavjanskoj kul'tury”, 2003. 1488 s. (In Russian).

Bouches, M. (1973). L'ennui de Sénèque à Moravia. P.: Bordas.

Johnson, M. (1987). The Body in the Mind. Chicago and London: The University of Chicago Press.

Jonard, N. (1998). L'ennuidans la littérature européenne. Paris: Honoré champion éditeur.

Kessel, M. (2001). Langeweile. Göttingen: Wallstein Verlag.

Kövecses, Z. (2005). Metaphor in culture: universality and variation. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

Kövecses, Z. (2010). Metaphor: a practical introduction. Oxford: Oxford University Press.

Kövecses, Z. (2017). Levels of metaphor. Cognitive linguistics. Vol. 28 (2), 321–347.

Lakoff, G. (1987). Women, Fire and Dangerous Things. Chicago and London: The University of Chicago Press.

Lakoff, G., Johnson M. (1980). Metaphors we live by. Chicago and London: The University of Chicago Press.

Lakoff, G., Johnson, M. (1999). Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to western thought. N.Y.: Basic books.

Peters, E. (1975). Notes toward an Archaeology of Boredom. Social research. Vol. 42, No.3, 493–511.

Raposa, M. (1999). Boredom and the religious imagination. Charlottesville: The University Press of Virginia.

Sagnes, G. (1969). L'Ennui dans la littérature française de Flaubert a Laforgue (1848 – 1884). P.: Libraire Armand Colin.

Spacks, P. (1995). Boredom: the literary history of a state of mind. Chicago: The University of Chicago Press.